

Алексей Кокорев

An ornate golden picture frame stands in a dark, shadowy forest. The frame is highly detailed with intricate carvings. Inside the frame, a serene landscape is visible: a calm lake reflects the warm, golden light of a setting or rising sun. The sun is positioned low on the horizon, creating a bright glow that fills the sky with soft, golden clouds. In the background, dark, silhouetted mountains rise against the light sky. The forest surrounding the frame is dense with trees, their branches and leaves creating a dark, textured backdrop. The ground around the frame is covered in a layer of dry leaves and small plants, illuminated by the light from the frame's scene.

Ангел мой

Алексей Кокорев

Ангел мой

<https://litres.ru/74242073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Май 1945 года. Отмечая Победу в Великой Отечественной войне, разведчики вынуждены вступить в смертельную схватку с врагом

Алексей Кокорев

Ангел мой

1.

Ангел мой

Ночная мгла, разбуженная дыханием свежего, весеннего ветерка, кустик за кустиком, дерево за деревом, уступала свои позиции новому мирному утру. Деревню, нежно укрытую мягким туманом, нехотя покидали последние сновидения, маленькими звездочками исчезая на уже светлеющем небосводе. Все больше и больше разливались яркими переживаниями в капельках росы уверенные шаги восходящего солнца. Земля, молодой, окрепшей листвой разогнав полусонный морок, распахнула на встречу свои цветочные объятия. Все живое, все, что могло видеть, слышать или чувствовать, каждой своей клеточкой жадно вдыхало новый рассвет. И только маленький мирок, созданный любовью двух жавшихся, цеплявшихся друг за друга сердец, укутанный в теплый бабушкин платок, равнодушно посапывал на отцовских руках.

- Ну, идите Марусь, а то Дуняша застынет.

- Страшно мне Санечка, - и она так сильно прижалась к нему, что маленький кулечек недовольно закричал.

- Ну, чего ты глупенькая, чего?

- А, ну, как тебя убьют?

- Да, кому я там нужен, - усмехнулся он, - это же Латвия, а не Германия, рукой подать, да и война-то уже кончилась.
- А мне все одно страшно, Санечка.
- Все будет хо-ро-шо, - настойчиво пообещал он, - наведем там порядок, и я вернусь.

Маруся наклонила голову мужа к себе, приподнялась на пальчиках и так пристально посмотрела в глаза, будто пыталась найти в их глубине какое-либо подтверждение его словам. «Милый мой, родной, хороший не обмани, прошу тебя, не обмани», - шептала она его губам. «Все будет хорошо», - отвечали они. «Только не обмани... Обещаю!»

И теперь, посмотрев на него спокойным, нежным взглядом, сказала:

- Иди. Иди, а то опоздаешь.

Он бережно передал ей Дуняшу и, нагнувшись, еще долго ловил сладкий, молочный запах маленького носика.

Весна в Латвии – дама капризная и, по всей своей женской сущности, абсолютно непредсказуемая. Постучавшись в двери в феврале, может задержаться на пороге до середины июня. Вчера еще по осеннему холодный дождь безжалостно вымывал из измученного тела последние силы, сегодня жаркое летнее солнце коркой высушило на

2.

этом теле грязный маскхалат. Птичий гам, шелест лист-

вы, журчание тысячи хрустальных ручейков, сливаясь в один большой, веселый хоровод, увлекали в свой бесшабашный танец все новые и новые запахи и звуки. Два легких фантомных облака, проплывая сквозь лесную карусель, старательно обтекали каждую травинку, каждый камушек, пытаюсь различить в общей какофонии присутствие чужого, враждебного «голоса». Первый вскинул руку. Напарник с готовностью замер, ожидая сигнала. Первый показал куда-то вперед и поднял вверх два пальца. Двое, там, где из-за деревьев уже выглядывала насыпь узкоколейки. Еще несколько шагов, несколько плавных покачиваний на мягких полусогнутых ногах, чтобы ни одна палочка не хрустнула под сапогом, чтобы ни одна птица не фыркнула с потревоженной ветки. Вот они. Двое. Один, сидя на корточках и подперев плечом кленовый ствол, беззаботно причмокивал во сне, крепко прижимая к груди ручной пулемет, другой, стоя в полный рост, увлеченно рассматривал сквозь бинокль противоположную сторону насыпи. Еще не много... еще...еще... Все, у противника нет шансов. Раз. Готов? Готов. Два. Сердце замерло в ожидании атаки. Три... Обидно было до слез, и, даже не то, что появление разведчиков никак не потревожило сладкий сон хозяина пулемета, а то, что другой исчез, и только бинокль, издеваясь, раскачивался здесь же на кленовом суку.

- Как дети, - раздался сзади недовольный голос.

- Ну, командир! Ну, шайтан!

- Товарищ сержант, соблюдайте субординацию, - и, растолкав их, вернулся на свое место.

- Виноват, товарищ капитан! Ну, старшина, ну, шайтан! — на что старшина лишь пригрозил кулаком, которым не раз таким зубоскалам, как Жорка исцелял чувство юмора.

- Ладно, клоуны, докладывайте.

- Докладываю, товарищ капитан, - вспыхнул Жорка, - Какой воздух, какая красота, а какое там озеро! Заметил командир? Там такое плещется!

- Чисто?

- Девственно, - подтвердил старшина.

- Ну, и куда они подевались?

- Куда? Так, может, и не было ни кого. Ну, не поправился мужик с утра, вот и померещились лешаки в немецкой форме.

«Не поправился. Померещилось. Может и померещилось, а, может, и нет. Уже неделя как закончилась война, а прославленные разведчики капитана Крымова отлавливают по лесам эсесовских недобитков...»

- ...Так, ладно. Идем к реке, на мельницу. Жорка рация, Палыч разбуди Семенова.

Старшина, прибывая в удрученном расположении духа, маханул парня по затылку так, что тот выронил пулемет и клюнул носом в грязь. А Жорка, взвалив на плечи тяжелый мешок, шагал по насыпи за командиром, уже нырнувшим в лес.

«Лес – он и есть лес. Березки, сосны, елки, палки, какая разница – что здесь, что у нас под Псковом. Если ты зайдешь в чужую избу в чужой деревне, ты же не будешь спрашивать хозяев где печь, а где «красный угол», сообразишь сам. Так и здесь, если ты родился и вырос в лесу, то в любом лесу будешь чувствовать себя как дома. Вот, например, эта тропинка. Точно такой же тропинкой дед когда-то водил меня к роднику, придет время, я Дуняшу свожу. Рядышком, держась своей маленькой ручонкой за мой палец, побежит она босыми ножками по высокой траве. Ничего, уже скоро. Я же обещал, наведем порядок и вернусь. Дома тоже дел много – надо сарай поправить, да и крыша течет. Вон птицы разгулялись. У них одна забота – потомство вывести да выкормить. Им воевать не надо. Вот и выходит, что зверье умнее человека. Эх, бросить все и домой – у меня же дочь родилась. Вот бы за тем поворотом оказалась родная деревня. Мои вышли бы встречать. Дуняша, завидя меня, побежала бы навстречу, я подхватил бы ее на руки... Ух ты, и правда деревня!»

- Деревня, - выдохнул задумчиво Крымов.
- Деревня, - зачем-то подтвердил Семенов.
- А на карте ее нет.
- Так точно, нет.
- И что это значит?

- Заблудились, товарищ капитан? – Семенов даже обрадовался своей неутешительной догадке, но командир, обернувшись, одарил его таким взглядом, что тот поспешил отступить за широкую спину старшины.

- Палыч, останьтесь здесь, а мы с Семеновым... Семенов! Пойдем дорогу спросим.

Деревня, к которой вышла группа Крымова, отсутствовала не только на командирской карте, но и на штабных картах полка, казалось, даже лес не подозревал о ее существовании в своем огромном чреве. Отгороженная от всего живого мира не высоким плетнем, устроенным скорее от дикого зверя, чем недоброго человека, сиротливо жалась она под кроны вековых сосен. Бревенчатые домики справа и слева, утопая в земле, тянулись двуглазыми торцами к хорошо утопанной, но, очевидно, никогда не знавшей колес дороге. Где-то, не видимая для глаз курица возвестила о появлении на свет нового яйца. Рыжий кот, лениво растекаясь по завалинке пушистым телом, грел на солнце свое сытое брюшко. В остальном же деревня, которая просто кричала о своей необитаемости, очень не понравилась Крымову. «Бабы Яги только не хватает», - подумал он, всем телом чувствуя чей-то страх, парящий в воздухе и, подав напарнику сигнал постучать в ближайший дом, снял автомат с предохранителя. Семенов, озираясь по сторонам, по хозяйски пересек двор, но, прежде чем успел коснуться двери, та, с ужасным грохотом отварившись, сбила его с ног. Все еще держа перед собой пулемет,

он спустил курок.

4.

«А сколько всего уничтожили за эту войну. Хотя отсюда жизнь ушла, похоже, лет сто назад. Вот ведь тоже жили люди, рожали, умирали. Человек, который построил этот дом, ему сейчас лет триста было бы не меньше, что ему мои девятнадцать – курам не смех. Ну, и как же можно без уважения. Какой дом дед мой построил, тоже сожгли. А ведь я там родился, батя мой там еще сопливым на горохе стоял. С кого за это теперь спросишь? Ну, ничего, Дуняш, подожди. Дай только срок – я тебе такое построю... Трое сзади, слева. Ну вот, уже веселей. Ан нет, еще двое справа. Махорка. Свои».

- Хэндэхох!

Обнюхав шелкнувший осечкой пулемет, обнюхав не званого гостя, которого встретила столь не гостеприимно, коза потеряла к ним всяческий интерес и переключила свое внимание на молодую, зеленую травку.

- Вот ведь – овца! – выругался, поднимаясь Семенов.

- Это коза. Да вы не бойтесь, она у меня смиренная.

- Это кто тут бои... - на пороге, подпирая плечом ту самую злосчастную дверь, стояла... Золотые пышные локоны, разметавшись по плечам, волной переливались в солнечных лучах при каждом взлете еле сдерживаемой рубашкою гру-

ди. Босая ножка, стоя на пальчиках, столь нарочито выказывала округлость своего бедра, увенчанного тонкой, нежной ручкой, что воображение Семенова тут же напомнило ему большой расписной чайник директора детского дома. Чайник, весь свой век простоявший на буфетной полке и завариваемый исключительно по большим праздникам щедро поивший и воспитанников и учителей. Чайник, ставший для сироты олицетворением домашнего очага, источником живого, семейного тепла. И вот это тайное, бережно хранимое всю войну и вдруг всплывшее воспоминание зародило в душе странное не испытанное доселе сладостное чувство бесконечного детского счастья.

- Здравствуй, хозяйюшка, - капитан поставил автомат на предохранитель, - тишина-то у вас какая, прям как... Земляки-то твои куда подевались?

- Так на службе все, вечерня сейчас, - озорные искорки, сверкая в бездонной глубине голубых глаз, как магнитом притягивали сознание Крымова.

- Интересно – это, за какое преступление красоту-то такую не взяли?

- Да за то преступление, которое все женщины раз в месяц совершают, - и жарким огнем хихикнули те искорки, удаляя, стирая из сознания все другое, не нужное им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.